

Михаил Петров.
Ровесники. Посмертный диалог двух
белогвардейских поэтов.

РОВЕСНИКИ

ИВАН САВИН
НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ
ДВА ВОИНА, ДВА ПОЭТА
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

К столетию Большой русской смуты

ТАЛЛИНН. 2024

Памяти Сергея Андреевича Верцинского

© 2017-2024. Михаил Петров составление, оформление.
petrov@infonet.ee

РОВЕСНИКИ

Вы держите в руках уникальное издание, хотя стихи Ивана Савина и Николая Туроверова давно доступны читателю. Тексты и биографические сведения взяты из открытых источников, но не могу удержаться от благодарности Виктору Леонидову, некогда открывшему для меня поэзию Ивана Савина. Помню, как обожгли меня строки Савина, обращённые к мёртвому брату:

Не бойся, милый. Это я.
Я ничего тебе не сделаю.
Я только обовью тебя,
Как саваном, печалью белою.

Савин и Туроверов ровесники. Оба родились в 1899 году на Юге России и оба попали на войну прямо со школьной скамьи. Оба прошли через лишения и оба оказались в эмиграции. Они могли бы встретиться в Крыму или на последнем пароходе, покидающем Россию. Могли бы встретиться в Париже или Берлине, но не встретились. Савин умер в Финляндии в 1927 году, Туроверов в Париже — в 1972 году. Почти палиндром!

Савин и Туроверов посвящали стихи братьям и поэту старшего поколения Ивану Бунину. Оба они навсегда застряли на войне, и война эта никак не хотела их отпустить. Война отразилась в них как в парных зеркалах.

Личная встреча поэтов при жизни не состоялась, так что этот сборник попытка установить посмертный диалог Савина и Туроверова, да и самому в нём поучаствовать в качестве заинтересованного читателя.

Слова, которые вы держите в руках — это частица обжигающей нежности Ивана Савина и неувядающей молодости Николая Туроверова.

Михаил Петров, литератор,
казачий полковник, представитель СКВРиЗ в Эстонии.
2017.

НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ

Николай Николаевич Туроверов донской казак, широкую известность получил в качестве оригинального казачьего поэта.

Туроверов родился 18 (с.с.) марта 1899 в станице Старочеркасская. В 1917 году окончил Каменское реальное училище.

Первые литературные опыты были опубликованы в 1914 году, в Каменском журнале для молодёжи «К свету»: *Мне сам Господь налил чернила \ И приказал стихи писать.*

После реального училища — ускоренный курс Новочеркасского казачьего училища. Выпущен в Лейб-гвардии Атаманский полк. В составе полка принял участие в Германской войне (Первой мировой).

В том же 1917 году Туроверов возвращается на Дон, где вступает в партизанский отряд старшего однокашника по Каменскому реальному училищу есаула Василия Михайловича Чернецова. Его отряд стал едва ли не единственной действующей силой атамана А.М.Каледина. Отряд вышел из Новочеркасска 30 ноября 1917 года и действовал против большевиков на всех направлениях Области Войска Донского, заслужив прозвище «кареты скорой помощи». В воспоминаниях генерала А.И.Деникина находим:

«В личности этого храброго офицера сосредоточился как будто весь угасающий дух донского казачества. Его имя повторяется с гордостью и надеждой. Чернецов работает на всех направлениях: то разгоняет совет в Александровске-Грушевском, то усмиряет Макеевский рудничный район, то захватывает станцию Дебальцево, разбив несколько эшелонов красновардейцев и захватив всех комиссаров. Успех сопутствует ему везде, о нем говорят и свои, и советские сводки, вокруг его имени рождаются легенды, и большевики дорого оценивают его голову».

29 января 1918 года атаман Каледин объявил на заседании правительства о решении командования Добровольческой армии о том, что для защиты Донской области от большевиков на фронте нашлось лишь 147 штыков. Он также заявил, что в таких условиях слагает с себя полномочия войскового атамана. В тот же день он покончил с собой выстрелом в сердце. В предсмертном письме генералу Алексею Каледин объяснил свой поступок отказом казачества следовать за своим атаманом.

После самоубийства атамана Каледина ввиду необходимости оставления Дона под натиском большевиков, был образован доброволь-

Николай Николаевич Турверов.

Есаул Василий Михайлович Чернецов.

ческий отряд во главе с походным атаманом войска Донского генерал-майором П.Х.Поповым численностью 1727 человек личного состава.

Попов не стал присоединяться к Добровольческой армии для совместного похода на Кубань, потому что не хотел уходить с Дона. Он рассчитывал на зимовники в Сальских степях, где было запасено достаточно продовольствия и фуража. Задачу этого похода Попов видел в том, чтобы сохранить до весны здоровое и боеспособное ядро войска. 12 февраля 1918 года участники похода вышли из Новочеркаска, куда оставшиеся в живых вернулись в конце апреля — начале мая.

Туроверов был участником того трагического похода:

Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,

Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной — за Россию — поход.

После восстановления Атаманского полка в ноябре 1919 года Туроверов был назначен начальником пулемётной команды. К моменту эвакуации из Крыма Добровольческой армии под началом барона Врангеля будущий поэт имел чин подьесаула и четыре ранения.

В 1924 году Туроверов публикует в софийском журнале «Казачьи Думы» статью «Конец Чернецова». Первая книга стихов Туроверова «Путь» вышла в 1928 году, когда за его плечами уже был лагерь на острове Лемнос, лесозаготовки в Сербии, работа грузчиком и мукомолом во Франции. Ещё два сборника вышли в 1937 и 1939 годах.

Туроверов принимал активное участие в нескольких периодических русских изданиях: в газете «Россия и славянство», в журналах «Атаманец», «Вестник Общества Атаманцев», «Казачий журнал», «Часовой», «Станица», «Грани», «Перезвоны», в «Донском Атаманском Вестнике», и других.

Кстати, именно в рижских «Перезвонах» с творчеством Николая Туроверова и казачьего поэта из Двинска Арсения Формакова познакомился Игорь-Северянин. В конце октября 1927 года состоялось его личное знакомство с Формаковым.

Есть смутное упоминание о том, что Туроверов присутствовал на одном из парижских выступлений Игоря-Северянина 12 или 27 февраля 1931 года. Он даже оставил в одной из газет короткую рецензию за подписью *Н.Т.* Но признаемся честно, Игорь-Северянин был не его поэт.

В 1939 году Николай Туроверов поступил на службу в 1-й кавалерийский полк Иностранного легиона (1er Régiment Étranger de Cavalerie). Полк, был создан в 1921 году на базе кадров 2-го иностранного пехотного полка и в Легионе получил репутацию русского. На службе состояло 128 русских легионеров — в основном бывших солдат и офицеров из армии генерала Врангеля и, в том числе, 33 казака.

Постоянное место дислокации 1-го иностранного кавалерийского полка было определено в Суссе (Sousse, Tunis), однако полк действовал в Северной Африке.

НА СТРАЖЪ

Пора! Зажги огонь сторожевой.
Пусть он сверкнет в туманах ночи лѣтней...
А самъ уйди, укрытый зыбкой мглой,
В степную даль, какъ можно незамѣтнѣй.

Навѣтъ сны благоуханье травъ,
Стуется мракъ таинственно-угрюмый,
А ты слѣди, къ сухой землѣ припавъ,
Издалека во вражьемъ станѣ шуми.

Сергѣй Штейнъ

НИКОЛАЙ ТУРОВЪРОВЪ

СЕРЬГИ

— Ю. А. Т-вой.

Гдѣ ихъ родина — въ Смирнѣ-ль, въ Тавриѣ?
Кто ихъ сдѣлалъ, кому и когда?
Ахъ, никто къ намъ теперь не приблизитъ
Отлѣгшіе въ вѣчность года.
Можетъ быть, ихъ впервые надѣла
Смутлоацкая ханская дочь,
Ожидая супруга несмѣло
Въ свою первую брачную ночь;
Иль поворъ искушитъ, чтобы дѣвчичъ,
Побороть горечь жалобъ и слезъ,
Ихъ персидскій влюбленный царевичъ
Своей милой въ подарокъ принесъ,
И она, о стадѣ забывая,
Осафленна баскомъ серегъ,
Азіатскаго душнаго рая
Преступила завѣтный порогъ.
Сколько разъ затѣмъ женскія уши
Суждено было имъ проколоть,
Оваря гаремныя души,
Украшая горячую плоть;
Сколько разъ господжа на верблюдѣхъ
Колькала ихъ въ зной пустынь,
Глядя сверху на смуглыя груди
Опасенныхъ вѣтрами рабынь.
Но на сѣверъ, когда каравану
Путь казачій разбой преградилъ,
Госпожу привели къ атаману —
Атаманъ госпожи не щадилъ:
Надругался надъ ней, опорочилъ,
На горячій шамруивъ солончакъ,
И съ серьгами къ сѣдлу приторочилъ,
Привалялъ за высокой арчакъ;
Или, можетъ быть, прежде чѣмъ кинулъ
Свою жертву подъ гребень волны,
Разинъ пьяной рукою ихъ вынулъ
Изь ушей казаческой княжны,
Чтобъ потомъ средъ награбленной груди,
Забывая родную страну,
Засвѣтились ихъ изумруды

На разбойномъ, на вольномъ Дону.
Эхъ, приволье широкихъ раздолѣй
— Голубая поминала дѣль.
Разалмась, расплескалась на волѣ
Ковчегами просторная степь.
И когда эту свадьбу справляли
Во весь буйный казачій размахъ,
Не онъ ль надъ узорами шали
У Малани сверкали въ ушахъ;
Не казачью ли женскую долю
Раздѣляли покорно они,
Видя только бурьяны по полю,
Да черкаскихъ старшинъ курени.
Но станичная гаушь миновала,
Среди новыхъ блистательныхъ встрѣчъ
Отраианъ лучисто зеркала
Ихъ надъ матовымъ мраморомъ плещъ.
Промелькнули за лицами лица
И, кануномъ смертельныхъ утратъ,
Распростерла надъ ними столица
Золотой своей, веселый закатъ.

Что жъ мнѣ дѣлать, коль пропалымъ такъ пьяно
Захмелѣла внезапно душа,
И въ полночныхъ огняхъ ресторана,
По старинному такъ хороша,
Ты сидишь средъ испытанныхъ пьяницъ,
Дочь далекихъ придонскихъ станицъ,
И пылаетъ твой жаркій румянецъ
Подъ коричневой тѣнью рѣсницъ.
Кольхаютъ серьги - подвѣски,
Расцвѣтаютъ въ зеленомъ огнѣ,
И трепещутъ короткіе баски
Въ золотистомъ анжуйскомъ вѣнѣ.
Что на рѣчи твои я отвѣчу?
— Помню окрикъ казачьихъ потоноу,
Внизу близко, какъ весело мечутъ
Эти камни разбойный огонь.

Николай Туровъровъ

1309

«Перезвоны». Рига.

Николай Туроверов в справе Атаманского полка.

НИКОЛАЙ ТУРОВЪРОВЪ.

ПУТЬ

Н. Туоровъровъ

ПАРИЖЪ

1928.

Похоронен Николай Николаевич Туроверов во Франции на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (cimetière communal de Sainte-Geneviève-des-Bois).

С 1939 по начало 1940 года Туроверов командует подразделением туземных солдат. Полк принимал участие в усмирении племён на территории автономного государства Джабаль аль Друз, которое находилось под французским мандатом на территории современной Сирии. С 18 мая 1940 года легионеры кавалерийского полка в составе 97-й разведгруппы участвуют в оборонительных боях против германских войск на Сомме. Был ли Туроверов в составе боевой группы неизвестно. Полк несёт тяжёлые потери, но воюет до капитуляции Франции. После увольнения из легиона Николай Туроверов поселяется в оккупированном Германией Париже.

В эмиграции вышло пять стихотворных сборников (1928, 1937, 1939, 1942 и 1965 годах). Поэма «Серко» (1945) о кошевом запорожском атамане вышла отдельной книжкой, стилизованной под старину. Перу Туроверова принадлежит историческая проза: сборник «Наполеон и казаки», повесть «Конец Суворова».

Туроверов принимал участие в организации «Кружка Любителей Русской Военной Старины» и «Кружка казаков-литераторов», возглавлял парижский «Казачий Союз», создал Музей Лейб-гвардии Атаманского полка и был главным хранителем библиотеки генерала Ознобишина, собирал русские военные реликвии, устраивал выставки на военно-исторические темы — «1812 год», «Казаки», «Суворов», «Лермонтов».

Иван Иванович Савин (Саволаин)

ИВАН САВИН

Иван Иванович Савин (*фин.* Savolainen, Саволайнен, Саволаин) — русский поэт, писатель, журналист, участник Белого движения, эмигрант первой волны. Увы интернет не радуется обилием иллюстративного материала, посему примите как есть.

Йохан Саволайнен — дед поэта финский моряк в начале XIX века осевший в России и женившийся на гречанке, с которой познакомился в Елисаветграде. Их старший сын — Иван Саволайнен по большой любви женился на женщине старше себя, вдове Анне Михайловне Волик, в чьих жилах пополам на пополам текла русская и молдавская кровь. На руках у вдовы уже было пятеро детей, в браке с Саволайненом родилось ещё трое детей: Иван Савин — будущий поэт, его брат Николай и сестра Надежда (Диля). Через несколько лет брак распался, бывшие супруги не встречались шесть лет, однако все дети в семье сохранили крепкую родственную связь.

Иван Савин родился 29 августа (с.с.) 1899 в Одессе, скончался 12 июля 1927 в Гельсингфорсе (Хельсинки) от заражения крови после операции по удалению аппендицита.

Детство и юность будущего поэта прошли в городке Зеньков Полтавской губернии. Едва окончив гимназию, Савин записался в Добровольческую армию. Вот описанный им самим эпизод, побудивший его к этому решению. Белые освободили город и стали вскрывать могилы, оставленные чекистами:

«Были лица с прокушенными губами, с глазами, вылезшими из орбит, — это бросали в ямы живых; у всех руки были скручены проволокой. У многих под ногтями оказались иголки, содрана кожа с рук, на плечах вырезаны погоны, на лбу — пятиугольная звезда. Буквально все женщины, не исключая девочек, детей офицеров, купцов или священников, изнасилованы, со следами мерзких издевательств на теле... Один труп был найден с перебитыми коленями, другой с вилкой во рту, проколотой до затылка, третий с отпиленной головой».

Служить Савин начал в уланском эскадроне 3-го сводного кавалерийского полка. Об этом периоде своей жизни он не без юмора записал в автобиографии:

На переднем плане издание «Ладонки» 1958 года в Нью-Йорке.
На заднем — издание 1926 года в Белграде.

«С осени 1919 года по осень 1921 блуждал по Дону, Кубани и Крыму и увлекался спортом: первое время верховой ездой и метанием копья, затем — после поражения на Перекопской Олимпиаде, заставшего меня в госпитале — увлекательными прогулками по замёрзшей грязи в костюме Адама и охотой за насекомыми в подвалах, особо и чрезвычайно для этого устроенных».

Заразившись тифом, Савин оказался в Джанкое в лазарете. На последний поезд до Симферополя он не успел и оказался в плену у большевиков:

«...Я упал на калмыка, из носа пошла кровь. — “Смотри, братва, — слюни пустил! Понравилось!” Микитка звезданул ещё. Удар пришёлся по голове. Я сполз с дрожащего калмыка в грязь, судорожно стиснул зубы. Нельзя было кричать. Крик унизил бы мою боль и ту сокровенную правду, которой билось тогда сердце, которой бьётся оно и теперь».

У парижского масона, литератора Юрия Терапиано описан эпизод из этого пленения:

«Больной, голодный, весь во вшах, Савин, в первый раз постучавшись в чужую дверь, чтобы попросить милостыню, не мог произнести ни слова и разрыдался. Часовой ЧЕКА, чувствующий симпатию к Савину, показал ему как-то два бумажника, взятых им с расстрелянных офицеров, с бумагами и фотографиями. Это были бумажники его братьев-артиллеристов, и Савину стоило нечеловеческих усилий воли, чтобы не выдать себя».

И смеялось когда-то, и сладко
Было жить, ни о чём не моля,
И шептала мне сказки украдкой
Наша старая няня — земля.

И любил я, и верил, и снами
Несказанными жил наяву,
И прозрачными плакал стихами
В золотую от солнца траву...

Пьяный хам, нескончаемой тризной
Затемнивший души моей синь,
Будь ты проклят и ныне, и присно,
И во веки веков, аминь!

Уцелел в плену чудом, чудом выбрался из плена. В 1921 году Иван Савин чудом добрался до Петрограда, откуда вместе с отцом сумел опираться в Финляндию.

В 1924 году он становится собственным корреспондентом целого ряда изданий российского зарубежья, в том числе, берлинской газеты «Руль», рижской газеты «Сегодня», белградской газеты «Новое время». В газете «Русские вести» (Гельсингфорс) с 1922 по 1926 год он опубликовал более 100 рассказов, стихов и очерков.

В 1926 году в Белграде вышел единственный прижизненный сборник стихов Ивана Савина «Ладонка», изданный Главным правлением Общества галлиполийцев.

Поэт рано ушёл из жизни. Художник Илья Репин потом жалел, что не успел написать портрет Савина. Иван Бунин высоко оценил его поэтический дар в очерке «Наш поэт»:

«После долгой и тяжкой болезни скончался в Гельсингфорсе молодой поэт и белый воин Иван Савин...»

И вот, ещё раз вспомнил я его потрясающие слова, и холод жуткого восторга прошёл по моей голове и глаза замутились страшными и сладостными слезами:

*Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твоё!*

Этот священный, великий день будет, будет и лик Белого Воина, будет и Богом, и Россией сопричислен к лику святых, и среди тех образов, из коих этот лик складывается, образ Савина займет одно из самых высоких мест. В ратной борьбе за Россию и за Белое Дело он проявил высшую доблесть и отвагу. Проявить себя в той же мере в поэзии он, всецело отданный воинскому труду, всем его тягестям и ужасам, на путях его всячески телесно искалеченный и погибший столь рано, конечно, не мог. Но все же то, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу и в русской литературе: во-первых, по причине полной своеобразности его стихов и их пафоса и, во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строки — особенно.

Вот его последнее письмо ко мне, рисующее его здоровье и настроение:

— “Уже недели две тому назад получил ваше ласковое письмо. Так хотелось ответить сразу же, но написал несколько слов, и карандаш выпал из рук, мысль спуталась. Виновато в том мое „завоевание революции“, периодические нервные припадки. Последний припадок был настолько силен, что вот уже больше месяца прикован к кровати...”

И далее:

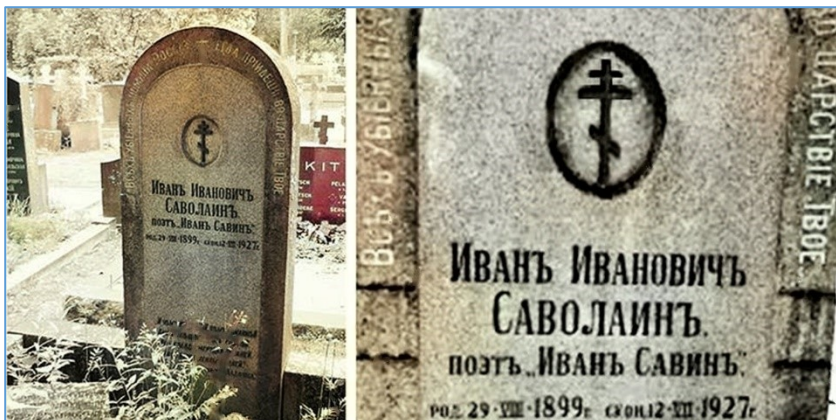
“Пользуюсь первым же днём некоторого улучшения, чтобы ответить вам. Безгранично был тронут тёплыми вашими строками. Словами этого не скажешь, да и вряд ли надо говорить. Но все же хочется мне, со всей искренностью и любовью к вам, сказать: когда я думаю о бездомном русском слове, которое тоже, как и все мы, стало „Божьим подданным“, и думаю о России, какой-то знак неожиданного равенства падает между вами — и Корниловым: общим путём идёте вы, крестящий словом, и Он, крестивший мечом... Вот почему доброе слово ваше о моем маленьком даре — это Георгиевский крест из рук Корнилова...”

Да, для него это было высшее сравнение — сравнение кого-нибудь с первым Вождём Белого Дела. Дорогой друг и соратник, — если только я смею сказать так, — он и не подозревал, какую честь оказывает он мне не только этим сравнением, но и тем, что это говорит он, Иван Савин, “маленький дар” и славная жизнь которого уже, наверно, переживут многих из нас в истории России, которой он всецело и с такой редкой красотой и страстью отдал всё своё земное существование! Ибо в чём прошло оно, это краткое существование? <...>

* * *

А вот одно из его посмертных стихотворений, никому, полагаю, ещё неизвестное. Оно находится в том же его письме ко мне, о котором я только что говорил: “Посылаю стихотворение, посвящённое вам, писал он. Кажется, оно слабо. Но позвольте все же привести его. Родилось оно на русской земле: минувшим летом, живя на границе Финляндии, буквально в двух шагах от нашей земли, я неоднократно переходил пограничную реченку...”»

А вот мнение известного литературного критика Петра Пильского, сотрудничавшего в то время с рижской газетой «Сегодня»:

Могила Ивана Савина на кладбище в Хельсинки.

«Как все поневоле замкнувшиеся души, потрясённый большой личной неудачей, поражённые трагедией, все внутреннее кипение своих молодых сил Савин отдал подвижнической мечте, и эта мечта была подарена России, чаяниями о России и любовью к ней. От всех его стихов веет неподдельным, неизменно скромным страдальчеством. Но и чрез него, за этими мотивами неизлечимой грусти всегда и постоянно слышатся ноты бодрости. Она нигде не подчеркнута, — поэтому особенно убедительна. Стихи Савина — интимная исповедь, и этой исповеди нельзя не верить».

В 1956 году в США вышло 2-е, дополненное издание «Ладонки». К 60-летию со дня смерти поэта его вдова Людмила Сулимовская-Савина издала книгу «Только одна жизнь. 1922 – 1927» (1988). В книге собраны стихи и проза из эмигрантской периодики двадцатых годов. В том числе пронзительные строки:

Я — Иван, не помнящий родства,
 Господом поставленный в дозоре.
 У меня на ветреном просторе
 Изошла в моленьях голова.

Все пою, пою. В немолчном хоре
Мечутся набатные слова:
Ты ли, Русь бессмертная, мертва?
Нам ли сгинуть в чужеземном море?!

В 1987 году, разбирая фотографии Игоря-Северянина в Тартуском литературном музее, я обратил внимание на несколько оригиналов с неизвестными мне персонажами. Кого-то как, например, Георгия Соргонина поэта из Праги, издателя журнала «Золотой Петушок» из Кишинёва Леонида Евицкого, литератора Семёна Стодульского из Бессарабии удалось опознать сравнительно быстро. Но кое-кто так и остался неопознанным.

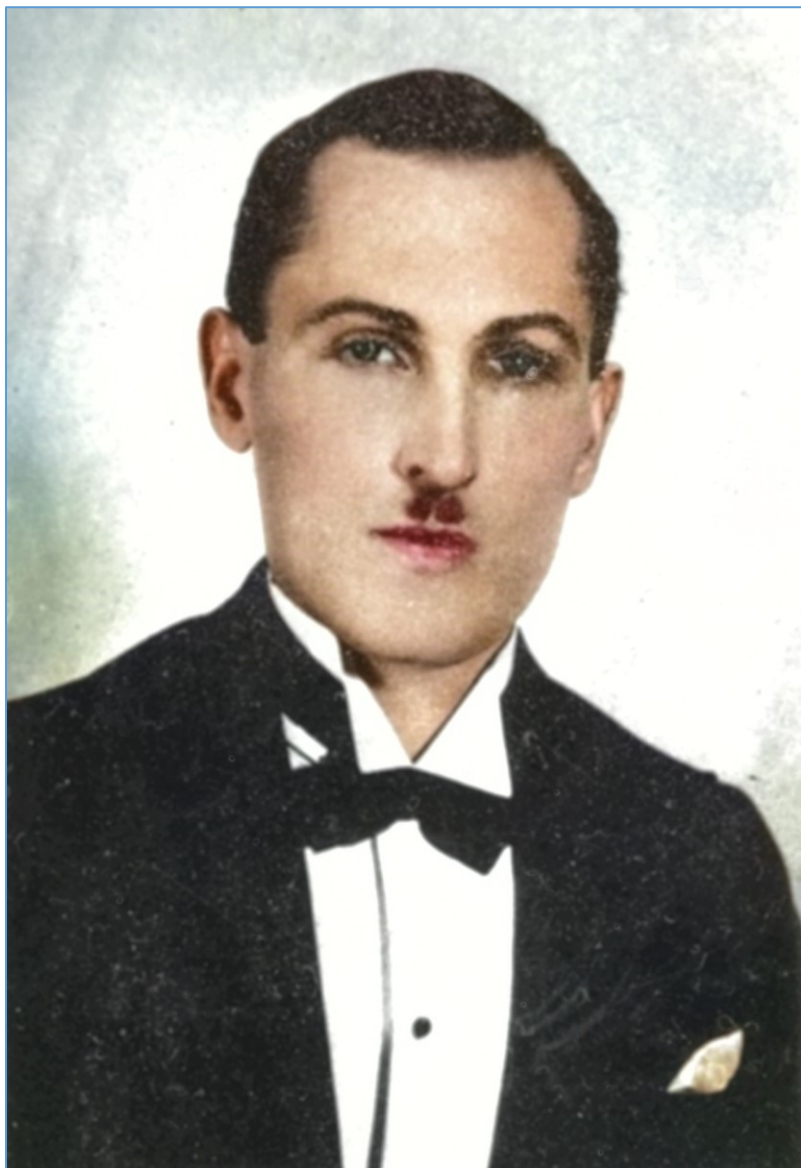
Особенно меня заинтересовал John Dow в визитке или смокинге, в рубашке с воротником-стойка под галстук бабочку и платочком в нагрудном кармашке. Умный взгляд, характерные усики по моде того времени.

Поскольку зарубежные архивы в то время были недоступны, то опознание этого John'a Dow зависло на годы.

И тем не менее лицо с чёрно-белой фотографии сантиметров шести в высоту запомнилось и время от времени давало о себе знать. Поэтому, когда мне в руки попал портрет Ивана Савина, то я немедленно разыскал в домашнем архиве своего потеряшку. Им оказался поэт Иван Иванович Савин!

В 1923 году некогда петербургская поклонница Игоря-Северянина Анна Воробьёва (Королева, Северянка, А.В.) устроила поэту небольшие гастроли в Гельсингфорсе (Хельсинки). Трижды 17, 18 и 19 октября он выступал в зале Русского купеческого собрания. Знакомство с Иваном Савиным состоялось в один из этих дней.

У русских мужчин как-то не принято при первом знакомстве дарить друг другу фотографии, даже при условии, что знакомство уже состоялось заочно. Савин печатался в рижской «Сегодня» и берлинском «Руле». Игорь-Северянин был подписан на оба издания и сам регулярно печатался в «Сегодня». Он внимательно следил за творческим потенциалом не только советской России, но и русского зарубежья.

Иван Савин. Увеличено с оригинала и слегка подкрашено.

Как же фотография Савина попала в домашний архив Игоря-Северянина? Есть три варианта. Первый: фотографию Савин прислал по просьбе самого поэта. Однако мне не известно ни одного письма Савина к Игорю-Северянину. Возможно переписку уничтожила Фелисса, опасаясь обвинений в связях с российской эмиграцией. Тогда это обстоятельство имело опасное значение, и страховка не выглядит лишней.

Второй вариант — Игорь-Северянин сам попросил Анну Воробьёву раздобыть ему фотографию Савина. Однако в сохранившихся письмах Воробьёвой упоминания Ивана Савина нет. Тем не менее эта версия вполне правдоподобна, поскольку других корреспондентов в Гельсингфорсе у поэта не было.

Наконец, Игорь-Северянин мог получить фотографию Савина из Риги после его смерти: попросил фотографию у редактора «Сегодня» Мильруда или критика Пильского. В таком случае жест свидетельствует в пользу того, что Игорь-Северянин высоко ценил творчество Савина и непременно хотел сохранить о нём память.

Надеюсь, я отчасти удовлетворил ваше любопытство и могу спокойно оставить вас наедине с Туроверовым и Савиным.

Примите участие в их вечном диалоге.

На развороте Туроверов слева,
Савин справа.

Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твоё!

Николай Тuroверов

Сижу с утра сегодня на коне;
Но лень слезать, чтоб подтянуть подпруги.
Борзой кобель, горбатый и муругий,
Рысит покорно рядом по стерне.

Я знаю, этот день, не первый и не новый,
Собой не завершит теперь в степи мой путь.
И вспомню после остро, как-нибудь,
И эти облака и запах чебрецовый.

1919

Муругий – о собаках: рыже бурой или буро чёрной масти.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Он душу мне залил метелью
Победы, молитв и любви...
В ковыль с пулемётною трелью
Стальные легли соловьи.

У мельницы ртутью кудрявой
Ручей рокотал. За рекой
Мы хлынули сомкнутой лавой
На вражеский сомкнутый строй.

Зевнули орудия, руша
Мосты трёхдюймовым дождём.
Я крикнул товарищу:
«Слушай, Давай за Россию умрём».

В седле подымаясь, как знамя,
Он просто ответил: «Умру».
Лилось пулемётное пламя,
Посвистывая на ветру.

И чувствуя, нежности сколько
Таили скупые слова,
Я только подумал, я только
Заплакал от мысли: Москва...

1925

Николай Туроверов

ВЕТЕР

Дуй, ветер, дуй! Сметай года,
Как листьев мёртвых лёгкий ворох.
Я не забуду никогда
Твой начинающийся шорох,

Твоих порывов злую крепь
Не разлюблю я, вспоминая
Далёкую родную степь
Мою от края и до края.

И сладко знать: без перемен
Ты был и будешь одинаков, —
Взметай же прах Азовских стен,
Играй листвою буераков,

Кудрявь размах донской волны,
Кружи над нею чаек в плаче,
Сзывай вновь свистом табуны
На пустырях земель казачьих

И, каменных целуя баб
В свирепой страсти урагана,
Ковыльную седую хлябь
Гони к кургану от кургана.

1924

Оттого высоки наши плечи,
А в котомках акриды и мёд,
Что мы, грозной дружины предтечи,
Славословим крестовый поход.

Оттого мы в служенье суровом
К Иордану святому зовём,
Что за нами, крестьящими словом,
Будет воин, крестьящий мечом.

Да взлетят белокрылые латы!
Да сверкнёт золотое копье!
Я, немеркнувшей славы глашатай,
Отдал Господу сердце своё...

Да придет!.. Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу.

1923

Николай Тuroверов

СНЕГ

Моему брату.

Ты говоришь: — Смотри на снег,
Когда синей он станет к ночи.
Тяжёлый путь за прошлый грех
Одним длинней, другим короче;

Но всех роднят напевы вьюг,
Кто в дальних странствиях обижен.
Зимой острее взор и слух
И Русь роднее нам и ближе.

И я смотрю... Темнеет твердь.
Меня с тобой метель сдружила,
Когда на подвиг и на смерть
Нас увлекал в снега Корнилов.

Те дни прошли. Дней новых бег
Из года в год неинтересней, —
Мы той зиме отдали смех,
Отдали молодость и песни.

Но в час глухой я выйду в ночь,
В родную снежную безбрежность —
Разлуку сможет превозмочь
Лишь познающий безнадежность.

1924

Иван Савин

Брату Борису

Не бойся, милый. Это я.
Я ничего тебе не сделаю.
Я только обовью тебя,
Как саваном, печалью белою.

Я только выну злую сталь
Из ран запёкшихся. Не странно ли:
Ещё свежа клинка эмаль.
А ведь с тех пор три года канули.

Поёт ковыль. Струится тишь.
Какой ты бледный стал и маленький!
Все о семье своей грустишь
И рвёшься к ней из вечной спальни?

Не надо. В ночь ушла семья.
Ты в дом войдёшь, никем не встреченный.
Не бойся, милый, это я
Целую лоб твой искалеченный.

1923

Николай Тuroверов

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскалённой крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине

И в этот день в Чуфут-Кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
Двадцатый год — прощай Россия!

1920

Брату Николаю

Мальчик кудрявый смеётся лукаво.
Смутлому мальчику весело.
Что наконец-то на грудь ему слава
Беленький крестик повесила.
Бой отгремел. На груди донесенье
Штабу дивизии. Гордыми лирами
Строки звенят: бронепоезд в сражении
Синими взят кирасирами.
Липы да клевер. Упала с кургана
Капля горячего олова.
Мальчик вздохнул, покачнулся и странно
Тронул ладонями голову.
Словно искал эту пулю шальную.
Вздвогнул весь. Стремя зазвякало.
В клевер упал. И на грудь неживую
Липа рососою заплакала...

Схоронили ль тебя — разве знаю?
Разве знаю, где память твоя?
Где годов твоих краткую стаю
Задушила чужая земля?
Все могилы родимые стёрты.
Никого, никого не найти...
Белый витязь мой, братик мой мёртвый,
Ты в моей похоронен груди.
Спи спокойно! В тоске без предела,
В полыхающей болью любви,
Я несущу твоё детское тело,
Как евангелие из крови.

Николай Тuroверов

Пройдёт средь крови и отрепий
Донских последних казаков.
И скажет Бог:
— «Я создал степи
Не для того, чтоб видеть кровь»,

— «Был тяжкий крест им в жизни дан»,
Заступник вымолвит Никола:
«Всегда просил казачий стан
Меня молиться у Престола».

— «Они сыны моей земли»!
Воскликнет пламенный Егорий:
«Моих волков они блюли
Среди своих степных приморий».

И Бог, в любви изнемогая,
Ладонью скроет влагу вежд
И будет ветер гнуть, играя,
Тяжёлый шёлк Его одежд.

1922

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Брату Николаю

Тихо так. Пустынно. Звёздно.
Степь нахмуренная спит,
Вся в снегах. В ночи морозной
Где-то филин ворожит.
Над твоей святой могилой
Я один, как страж, стою...
Спи, мой мальчик милый,
Баюшки-баю!..

Я пришёл из дымной дали,
В день твой памятный принёс
Крест надгробный, что связали
Мы тебе из крупных слез.
На чужбине распостёртый,
Ты под ним — в родном краю...
Спи, мой братик мёртвый,
Баюшки-баю...

В час, когда над миром будет
Снова слышен Божий шаг,
Бог про верных не забудет;
Бог придёт в ваш синий мрак,
Скажет властно вам: проснитесь!
Уведёт в семью Свою...
Спи ж, мой белый витязь,
Баюшки-баю...

1922

...Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль;
Но твёрдым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шёл в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак...

.....
Забить ли, как на снеге сбитом
В последний раз рубил казак,
Как под размашистым копытом
Звенел промёрзлый солончак,
И как минутная победа
Швырнула нас через окоп,
И храп коней, и крик соседа
И кровью залитый сугроб...

.....
О милом крае, о родимом
Звенела песня казака
И гнал, и рвал над белым Крымом
Морозный ветер облака.
Спеша, мой конь, долиной Качи,
Свершай последний переход.
Нет, не один из нас заплачет,
Грузясь на ждущий пароход,
Когда с прощальным поцелуем
Освободим ремни подпруг
И, злым предчувствием волнуем,
Заржёт печально верный друг.

Братьям моим Михаилу и Павлу

Ты кровь их соберёшь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках,

Как пулемёт на камне ждал угрюмо,
И тот в бушлате, звонко крикнул: «Что, начнём?»
Как голый мальчик, чтоб уже не думать,
Над ямой стал и горло проколол гвоздём.

Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал: «Ложись»,
Как сын твой старший гладил руки брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь.

И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик, во френче рваном,
С чернильной звездочкой на сломанном плече,

Вдруг начал петь – и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей струе:
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твоё...

1925

Николай Тuroверов

Эти дни не могут повторяться, —
Юность не вернётся никогда
И туманнее, и реже снятся
Нам чудесные, жестокие года.

С каждым годом меньше очевидцев
Этих страшных, легендарных дней.
Наше сердце приучилось биться
И спокойнее и глуше и ровней.

Что теперь мы можем и что смеем?
Полюбив спокойную страну,
Незаметно медленно стареем
В европейском ласковом плену.

И растёт, и ждёт ли наша смена,
Чтобы вновь в февральскую пургу
Дети шли в сугробах поколена
Умирать на розовом снегу.

И над одинокими на свете,
С песнями, идущими на смерть.
Веял тот же сумасшедший ветер
И темнела сумрачная твердь.

1932

Сёстрам моим, Нине и Надежде

Одна догорела в Каире,
Другая — на русских полях.
Как много пылающих плах
В бездомном воздвигнуто мире!

Ни спеть, ни сказать о кострах,
О муке на огненном пире.
Слова на запёкшейся лире
В немой рассыпаются прах.

Но знаю, но верю, что острый
Терновый венец в темноте
Ведёт к осиянной черте

Распятых на русском кресте,
Что ангелы встретят вас, сестры,
Во родине и во Христе.

1924

Николай Тuroверов

Когда-то мимо этих плёс
Шли половцы и печенеги.
О, древний шлях! Дремлю в телеге
Под скрип несмазанных колёс.

И снится мне всё тот же сон —
Склонясь ко мне поют две бабы,
Напев их, медленный и слабый,
Меня томит, как долгий стон.

1920

CHANSON TRISTE

Маме

Жизнь ли бродяжья обидела,
Вышел ли в злую пору...
Если б ты, мама, увидела,
Как я озяб на ветру!

Знаю, что скоро измочится
Ливнем ночным у меня
Стылая кровь, но ведь хочется,
Все-таки хочется дня.

Много не надо. Не вынести.
И все равно не вернуть.
Только бы в этой пустынности
Вспомнить заветренный путь,
Только б прийти незамеченным
В бледные сумерки, мать,
Сердцем, совсем искалеченным,
В пальцах твоих задрожать.

Только б глазами тяжёлыми
Тихо упасть на поля,
Где золотистыми пчёлами
Жизнь прожужжала моя.

Где тишина сероокая
Мёртвый баюкает дом...
Если б ты знала, далёкая,
Как я исхлёстан дождём!

Петербург, 1922

Николай Тuroверов

СОЧЕЛЬНИК

Темнее стал за речкой ельник.
Весь в серебре синее сад
И над селом зажѣг сочельник
Зелѣный медленный закат.

Лиловым дымом дышат хаты,
Морозна праздничная тишь.
Снега, как комья чистой ваты,
Легли на грудь убогих крыш.

Ах, Русь, Московия, Россия,
Простор безбрежно снеговой,
Какие звезды золотые
Сейчас зажгутся над тобой.

И всё равно, какой бы жребий
Тебе ни бросили года,
Не догорит на этом небе
Волхвов приведшая звезда.

И будут знать и будут верить,
Что в эту ночь, в мороз, в метель
Младенец был в простой пещере
В стране за тридевять земель.

1926

ЗАКАТ

Декабрьский вечер синь и матов.
Беззвёздно в горнем терему.
Таких медлительных закатов
Ещё не снилось никому.

Глазы ночные сжаты плотно,
Чуть брызжет смуглый их огонь,
Как будто черные полотна
Колеблет робкая ладонь.

Поют снега. Покорной лыжей
Черчу немудрые следы.
Все строже север мой, все ближе
Столетьем скованные льды.

Бегу по сказочной поляне,
Где кроток чей-то бедный крест,
Где снег нетронутый желанней
Всех нецелованных невест.

Мне самому мой бег неведом.
Люблю бескрайности пустынь.
Цветёт закат. За лыжным следом
Следит серебряная синь.

Недвижна белая громада
Снегов в узорчатой резьбе...
Вчера мне снилось, что не надо
Так много плакать о тебе...

1924

Николай Тuroверов

Клубятся вихри — призрачные птицы.
Июльский день. В мажарах казаки.
Склонились по ветру будяки
На круглой крыше каменной гробницы.

Струится зной. Уходят вереницы
Далёких гор. Маячат тополя,
А казаки поют, что где-то есть поля,
И косяки кобыл, и вольные станицы.

1920

Будяк — народное название различных травянистых сорных растений из семейства астровых: чертополохов, татарника колючего, мордовника шароголового, колючника финского.

Можно стать сумасшедшим от боли.
Но нельзя ничего забыть.
Я влачусь по земной юдоли,
И за мною змеится нить.

А на ней, на ладонке длинной,
Завязала память узлы,
Как печати доли полынной,
Как печати недоли и мглы.

Я и так четвертован новью,
Нелегко теперь на земле.
Для чего ж и прошлое кровью
Истекает в каждом узле?

Часто хочется бросить сердце,
Память бросить в ночь и не жить.
Но вползает тайною дверцей,
Но пытается узлами нить.

Если б кто-нибудь сжал её, сузил,
Оборвал, во тьму урона,
И в последний, терновый узел
Завязал неживого меня!

1924

Николай Тuroверов

ИЗ ПОЭМЫ «НОВОЧЕРКАССК»

Меня с тобой связали узы
Моих прадедов и дедов, —
Не мне-ль теперь просить у музы
И нужных рифм, и нужных слов?
Воспоминаний кубок пенный,
Среди скитаний и невзгод,
Не мне-ль душою неизменной
Испить указан был черед?
Но мыслить не могу иначе:
Ты город прошлых тихих дней
И новый вихрь судьбы казачьей
Тебе был смерти холодней.

.....

Колокола печально пели.
В домах прощались, во дворе;
Венок плели, кружась, метели
Тебе, мой город, на горе.
Сноси неслыханные муки
Под сень соборного креста.
Я помню, помню день разлуки,
В канун Рождения Христа,
И не забуду звон унылый
Среди снегов декабрьских вьюг
И бешеный галоп кобылы.
Меня бросающей на юг.

1922

НЕВОЗВРАТНОЕ

Даже в слове, в самом слове «невозвратное»
Полном девичьей, слегка наивной нежности,
Есть какое-то необычайно внятное,
Тихо плачущее чувство безнадёжности.

В нем, как странники в раскольничьей обители,
Притаились обманувшиеся дни мои,
Чью молитву так кощунственно обидели
Новых верований дни неудержимые.

В ночь бессонную я сам себя баюкаю,
Сам себе шепчу тихонько: «невозвратное»...
И встаёт вдруг что-то с сладкой мукою
Одному мне дорогое и понятное...

1922

Николай Тuroверов

ВОЛЬНИЦА

Минуя грозных стен Азова,
Подняв косые паруса,
В который раз смотрели снова
Вы на чужие небеса?

Который раз в открытом море,
С уключин смыв чужую кровь,
Несли вы дальше смерть и горе
В туман турецких берегов.

Но и средь вас не видел многих
В пути обратном атаман,
Когда меж берегов пологих
Ваш возвращался караван.

Ковры Царьграда и Дамаска
В Дону купали каюки;
На низкой пристани Черкаска
Вас ожидали старики;

Но прежде чем делить добычу,
Вы лучший камень и ковёр,
Блюдя прадедовский обычай,
Несли торжественно в собор,

И прибавляли вновь к оправе
Икон сверкающий алмаз,
Чтоб сохранить казачьей славе
Благую ласку Божьих глаз.

1922

Огневými цветами осыпали
Этот памятник горестный Вы
Не склонившие в пыль головы
На Кубани, в Крыму и в Галлиполи.

Чашу горьких лишений до дна
Вы, живые, Вы, гордые, выпили
И не бросили чаши... В Галлиполи
Засияла бессмертьем она.

Что для вечности временность гибели?
Пусть разбит Ваш последний очаг –
Крестоносного ордена стяг
Реет в сердце, как реял в Галлиполи.

Вспыхнет солнечно-чёрная даль,
И вернётесь Вы, где бы Вы ни были,
Под знамёна... И камни Галлиполи
Отнесёте в Москву, как скрижаль.

1923

Николай Туроверов

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задоньи, курится
Седая февральская мгла.

Встаёт за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь
И где-то правее — Корнилов,
В метелях идущий на смерть.

Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,

Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона

На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной — за Россию — поход.

1931

Все это было. Путь один
У черни нынешней и прежней.
Лишь тени наших гильотин
Длинней упали и мятежней.

И бьётся в хохоте и мгле
Напрасной правды нашей слово
Об убиенном короле
И мальчиках Вандеи новой.

Всю кровь с парижских площадей,
С камней и рук легенда стёрла,
И сын убогий предал ей
Отца раздробленное горло.

Все это будет. В горне лет
И смрад, и блуд, царящий ныне,
Расплавятся в обманный свет.
Петля отца не дрогнет в сыне.

И, крови нашей страшный грунт
Засеяв ложью, шут нарядный
Увьёт цветами – русский бунт,
Бессмысленный и беспощадный...

1925

Николай Тuroверов

*Фонтан любви, фонтан живой
Принёс я в дар тебе две розы.*

Пушкин

В огне все было и в дыму, —
Мы уходили от погони.
Увы, не в пушкинском Крыму
Теперь скакали наши кони.
В дыму войны был этот край,
Спешил наш полк долиной Качи,
И покидал Бахчисарай
Последним мой разъезд казачий.
На юг, на юг. Всему конец.
В незабываемом волненьи,
Я посетил тогда дворец
В его печальном запустеньи.
И увидал я ветхий зал, —
Мерцала тускло позолота, —
С трудом стихи я вспоминал,
В пустом дворце искал кого-то.
Нетерпеливо вестовой
Водил коней вокруг гарема, —
Когда и где мне голос твой
Опять почудится За-рема?
Прощай, фонтан холодных слез.
Мне сердце жгла слеза иная —
И роз тебе я не принёс,
Тебя навеки покидая.

1938

Кипят года. В тоске смертельной,
Захлёбываясь на бегу,
Кипят года. Твой крестик тельный
В шкатулке крымской берегу.

Всю ночь не спал ты. Дрожь рассвета
Вошла в подвал, как злая гарь
Костров неведомых, и где-то
Зажгли неведомый фонарь,

Когда, случайный брат по смерти,
Сказал ты тихо у окна:
«За мной пришли. Вот здесь, в конверте,
Мой крест и адрес, где жена.

Отдайте ей. Боюсь, что с грязью
Смешают Господа они...» –
И дал мне крест с славянской вязью,
На нем – «Спаси и сохрани».

Но не спасла, не сохранила
Тебя рука судьбы хмельной.
Сомкнула общая могила
Свои ресницы над тобой...

Кипят года в тоске смертельной,
Захлёбываясь на бегу.
Спи белым сном! Твой крестик тельный
До белой тризны сберегу.

1923

Вы говорили о Бретани.
Тысячелетняя тоска,
Казалось вам, понятней станет
Простому сердцу казака.

И всё изведавший на свете,
Считать родным я был готов
Непрекращающийся ветер
У финистерских берегов.

Не всё равно-ль чему поверить,
Какие страны полюбить,
Невероятные потери
На сутки радостно забыть.

И пусть ребяческой затее
Я завтра сам не буду рад, —
Для нас сегодня пламенеет
Над Сенной медленный закат,

И на густом закатном фоне
В сияющую пустоту
Крылатые стремятся кони
На императорском мосту.

1932

Мыс Финистерре — от *лат.* *Finis terrae*, т.е. конец земли, мыс в Испании на побережье Атлантического океана, считающийся самой западной её точкой.

Законы тьмы неумолимы.
Непререкаем хор судеб.
Все та же гарь, все те же дымы,
Все тот же выплаканный хлеб.

Мне недруг стал единоверцем:
Мы все, кто мог и кто не мог,
Маячим выветренным сердцем
На перекрёстках всех дорог.

Рука, протянутая молит
О капле солнца. Но сосуд
Небесной милостыни пролит.
Но близок нелукавый суд.

Рука дающего скудеет:
Полмира по миру пошло...
И снова гарь, и вновь тускнеет
Когда-то светлое чело.

Сегодня лёд дорожный ломок,
Назавтра злая встанет пыль,
Но также жгуч ремень котомок
И тяжек нищенский костыль.

А были буйные услады
И гордой молодости лёт...
Подайте жизни, Христа ради,
Рыдающему у ворот!

1924

Николай Тuroверов

Задыхаясь, бежали к опушке,
Кто-то крикнул: устал, не могу!
Опоздали мы, — раненый Пушкин
Неподвижно лежал на снегу.

Слишком поздно опять прибежали, —
Никакого прощенья нам нет,
Опоздали, опять опоздали
У Дантеса отнять пистолет.

Снова так же стояла карета,
Снова был ни к чему наш рассказ,
И с кровавого снега поэта
Поднимал побледневший Данзас,

А потом эти сутки мученья,
На рассвете несдержанный стон,
Ужасающий крик обреченья —
И жены летаргический сон.

Отлетела душа, улетела, —
Разрешился последний вопрос.
Выносили друзья его тело
На родной петербургский мороз,

И при выносе мы на колени
Опускались в ближайший сугроб;
И Тургенев, один лишь Тургенев,
Проводил самый близкий нам гроб.

И не десять, не двадцать, не тридцать, —
Может быть, уже тысячу раз
Снился мне и ещё будет сниться
Этот чей-то неточный рассказ.

1937

Кто украл мою молодость, даже
Не оставил следа у дверей?
Я рассказывал Богу о краже,
Я рассказывал людям о ней.

Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон да острог.

И хожу я по чёрному свету,
Никогда не бывав молодым.
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.

Увели её ночью из дому
На семнадцатом, детском году.
И по-вашему стал, по седому,
Глупый мальчик метаться в бреду.

Были слухи – в остроге сгорела,
Говорили пошла по рукам...
Всю грядущую жизнь до предела
За года молодые отдам!

Но безмолвен ваш мир отсиявший.
Кто ответит? В острожном краю
Скачет выжженной степью укравший
Ненавистную юность мою.

1925

Николай Тuroверов

И.А.Бунину.

Пушу собак. И, как дитя, заплачет
На пахоте настигнутый русак
И вновь Устин, отцовский доезжачий,
Начнёт ворчать, что я пускал не так.

— Опять, паныч, у вас расчёту мало.
И с сердцем бросив повод на луку,
Он острием старинного кинжала
Слегка проколет ноздри русаку.

О, мудрая охотничья наука!
Тороча зайца, слушаю слугу,
И лижет старая, седеющая сука
Кровавый сгусток в розовом снегу.

1926

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

И.А.Бунину

По дюнам бродит день сутулый,
Ныря в золото песка.
Едва шуршат морские гулы,
Едва звенит Сестра-река.

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,
Тем с большей нежностью и грустью
России «Здравствуй» говорю.

Там, за рекой, все те же дюны,
Такой же бор к волнам сбежал,
Все те же древние Перуны
Выходят, мнится, из-за скал.

Но жизнь иная в травах бьётся,
И тишина ещё слышней,
И на кронштадтский купол льётся
Огромный дождь иных лучей.

Черкнув крылом по глади водной,
В Россию чайка уплыла –
И я крещу рукой безродной
Пропавший след её крыла.

1925

Николай Тuroверов

Больше ждать и верить, и томиться,
Притворяться больше не могу.
Древняя Черкасская станица, —
Город мой на низком берегу

С каждым годом дальше и дороже...
Время примириться мне с судьбой.
Для тебя случайный я прохожий,
Для меня, наверно, ты чужой.

Ничего не помню и не знаю!
Фея положила в колыбель
Мне свирель прадедовского края
Да насущный хлеб чужих земель.

Пусть другие более счастливы, —
И далёкий неизвестный брат
Видит эти степи и разливы
И поёт про ветер и закат.

Будем незнакомы с ним до гроба
И, в родном не встретившись краю,
Мы друг друга опознаем оба,
Всё равно, в аду или в раю.

1936

Я – Иван, не помнящий родства,
Господом поставленный в дозоре.
У меня на ветреном просторе
Изошла в моленьях голова.

Все пою, пою. В немолчном хоре
Мечутся набатные слова:
Ты ли, Русь бессмертная, мертва?
Нам ли сгинуть в чужеземном море?!

У меня на посохе – сова
С огненным пророчеством во взоре:
Грозowymi окликами вскорее
Загудит родимая трава.

О земле, восставшей в лютом горе,
Грянет колокольная молва.
Стяг державный богатырь-Бова
Развернёт на русском косогоре.

И пойдёт былинная Москва,
В древнем Мономаховом уборе,
Ко святой заутрене, в дозоре
Странников, не помнящих родства.

1924

Николай Тuroверов

СУВОРОВ

Всё ветер, да ветер. Все ветры на свете
Трепали твою седину.
Всё те же солдаты, — любимые дети, —
Пришедшие в эту страну.

Остались сзади и бездны, и кручи,
Дожди и снега непогод.
Последний твой, — самый тяжёлый и лучший,
Альпийский окончен поход.

Награды тебе не найдёт император,
Да ты и не жаждешь наград, —
Для дряхлого сердца триумфы возврата
Уже сокрушительный яд.

Ах, Русь — Византия и Рим и Пальмира!
Стал мир для тебя невелик.
Глумились австрийцы: и шут, и задира,
Совсем сумасшедший старик.

Ты понял, быть может, не веря и плача,
Что с жизнью прощаться пора.
Скакала по фронту соловая кляча,
Солдаты кричали ура.

Кричали войска в ис-ступлённом восторге,
Увидя в солдатском раю
Распахнутый ворот, на шее Георгий —
Воздушную немощ твою.

1935

ПЕТРУ

Быть может, и не надо было
Годов неистовых твоих...
Судьба навеки опустила б
Мой край в восточные струи.

А ты пришёл, большой и чуждый,
Ты ветром Запада плеснул
В родные терема и души.
И, путь свой пеной захлестнув,

Твоя тишайшая держава
Рванулась вдруг и понесла...
Куда: к величью, к вечным славам?
К проклятьям вечным и хулам?

Как знать: то зло, что темным хмелем
По краю ныне разрослось,
Не ты ли с верфи корабельной
На топоре своём принёс?

И не в своё ль окно, сквозь гиблый,
Сквозь обречённый Петербург
Вогнал ты золотом и дыбой
Всю эту тёмную судьбу?..

Но средь безумных чад петровых
Кто помнит и кого страшит,
.....

Что там, на чёрной глыбе, руку
Все выше подымает Пётр,
Что полон кровию и мукой
Сведённый судрогами рот...

Николай Тuroверов

Помню горечь солёного ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;

Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, —
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,

Напряглась и такую осталась
Тетива наших душ навсегда.
Чёрной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.

1926

Я любил целовать Ваши хрупкие пальчики,
Когда нежил их розовый солнечный свет,
И смотрел, как весёлые, светлые мальчики
В Ваших взорах танцуют любви менуэт.

Я любил целовать Ваши губы пурпурные,
Зажигая их ночью пожаром крови,
И в безмолвии слушать, как мальчики бурные
В Вашем сердце танцуют мазурку любви...

Ваших губ лепестки, Ваши хрупкие пальчики,
Жемчуг нашей любви — растоптала судьба...
И душе моей снятся печальные мальчики,
В Ваших слезах застывшие в траурном па...

б\г

Николай Туроверов

ТРЕББИЯ

Увозили раненых. Убитых
Зарывали наспех. Бивуак
Был в кострах. У придорожного корыта
Двух коней поил седой казак.

Кони пили жадно. Над полями
Свет стоял вечерний, золотой.
Дым стоял над русскими кострами,
Горький дым в долине голубой.

Треббия. Италия. Из чашки
Щи хлебал неспешно старичок
В пропотевшей бязевой рубашке,
Бросив полотенце на плечо.

Треббия. Италия. А где то
Есть Кончанское — родительский порог.
Нет конца, и края нет у света
Для солдатских полусбитых ног.

Нет суровее солдатских разговоров:
Об увечьях и о смерти, наконец.
— Александр Васильевич Суворов
Не фельдмаршал, а родной отец.

1947

Тре́ббия (*итал.* Trebbia, *лат.* Trebia) — река в Северной Италии, правый приток реки По.

Ты не думай, все запишется.
Не простится. Ты не жди.
Все неслышное услышится.
Пряча тайное, колыхается
Сердце-ладонка в груди.

Умирают дни, и кажется:
Прожитой не встанет прах.
Но Христу вся жизнь расскажется.
Сердце-ладонка развяжется
На святых Его весах.

Жизни наши будут взвешены.
Кто-то с чаши золотой
Будет брошен в пламень бешеный.
Ты ль, хмельная? Я ль, повешенный
Над Россией и тобой?

1925

ЛЕРМОНТОВ

Через Пушкина и через Тютчева,
Опять возвращаясь к нему, —
Казалось, не самому лучшему, —
Мы равных не видим ему.

Только парус белеет на взморье
И ангел летит средь миров;
Но вот, уже в Пятигорье
Отмерено десять шагов.

Не целясь Мартынов стреляет,
Держа пистолет наискось.
И нас эта пуля пронзает
Сквозь душу и сердце, — насквозь.

1946

СОНЕТ

О, этот бег последних лет,
Нас напоивший смрадным гноем...
Какими радостями смоем
С души своей печалей след?

Когда грядущее покоем
Сотрёт тревогу острых бед,
Как на забытый нами свет
Глаза, ослепшие, откроем?..

Не стынет жертвенная кровь,
К России гневная любовь
Проклятьем иссушила губы.

К граниту чуждых берегов
Пяти расстрелянных годов
Плывут пугающие трупы...

1922

Николай Туроверов

Равных нет мне в жестоком счастье:
Я, единственный, званый на пир,
Уцелевший ещё участник
Походов, встревоживших мир.

На самой широкой дороге,
Где с морем сливается Дон,
На самом кровавом пороге,
Открытом со всех сторон;

На ещё не разрытом кургане,
На древней, как мир, целине —
Я припомнил все войны и брани,
Отшумевшие в этой стране.

Точно жемчуг в чёрной оправе,
Будто шелест бурьянов сухих, —
Эта память о воинской славе,
О соратниках мёртвых моих.

Будто ветер, в ладонях взвесив,
Раскидал по степи семена:
Имена Ты их, Господи, веси, —
Я не знаю их имена.

1947

А проклянёшь судьбу свою,
Ударит стыд железной лапою, —
Вернись ко мне. Я боль твою
Последней нежностью закапаю.

Она плывёт, как лунный дым,
Над нашей молодостью скошенной
К вишнёвым хуторам моим,
К тебе, грехами запорошенной.

Ни правых, ни виновных нет
В любви, замученной нечаянно.
Ты знаешь... я на твой портрет
Креплюсь с молитвой неприкаянной.

Я отгорел, погаснешь ты.
Мы оба скоро будем правыми
В чаду житейской суеты
С её голгофными забавами.

Прости... размыты строки вновь...
Есть у меня смешная заповедь:
Стихи к тебе, как и любовь,
Слезами длинными закапывать...

1924

ЭЛЕГИЯ

Только дым воспоминаний,
Или все уже, как дым,
И никто из нас не станет
Тем, чем был он молодым?
И не будет больше лестниц
Потаённых и дверей;
Ожидающих прелестниц
Первой юности твоей,
И превыше всех, над ними
Незакатная звезда,
Чьё потом запомнишь имя
Навсегда ты, навсегда.
Пить вино не будешь с другом
За беседой у огня,
Не сожмёт твоя подпруга
Непокорного коня,
Безрассудчно и смело
Ты не схватишься за меч,
А стареющее тело
Будешь бережно беречь,
Ничему уже не веря
В мире страшном и пустом, —
Постучится в эти двери
Смерть тогда своим крылом.

1938

КТО?

Заблудившись в крови, я никак не пойму,
Кто нас бросил в бездонную тьму?
И за что мы — вдали от родимой земли,
Где мятежные молнии нас оплели,
И зачем наших буйных надежд корабли
В безнадежностьплыли, уплыли?
Опустись в глубину проклинающих дум!
Как метель, как буран, как самум,
Острой пеной взрывая покорное дно,
В ней горит, не сгорая проклятье одно:
...Полюби эту тьму. Все равно, все равно -
Ничего вам свершить не дано!..
И забыв свой порыв, свою горечь, свой гнев,
На бездольных кострах отгорев,
В злую ночь, где хохочет невидимый враг,
Мы несём свой обугленный муками стяг,
И... никак не поймём, не поймём мы никак —
Кто нас бросил в заплаканный мрак!

1923

Николай Тuroверов

Из цикла «СТЕПЬ»

Священный час еды!
Благословенный час,
Ниспосланный голодным и усталым.
Кулеш, заправленный малороссийским салом,

Кипит, дымясь, в чугунном котелке.
Счастливый день, ниспосланный от Бога!
Возница мой увёл коней к реке
На водопой, где мокрая дорога

Парома ждёт. Но не спешит паром,
И мне уже не надо торопиться, —
Куда спешить, когда уверен в том,
Что этот день не может повториться.

Дождь отшумел давно. Но солнца нет, как нет.
И длится час блаженного покоя,
И льётся на поля такой чудесный свет,
Что кажется весь мир одетым в голубое.

1946

РОССИИ

Вся ты нынче грязная, дикая и тёмная.
Грудь твоя заплёвана, сорван крест в толпе.
Почему ж упорно так жизнь наша бездомная
Рвётся к тебе, мечется, бредит о тебе?!

Бич безумья красного иглами железными
Выколол глаза твои, одурманил ум.
И поешь ты, пляшешь ты, и кружишь над безднами,
Заметая косами вихри пьяных дум.

Каждый шаг твой к пропасти на чужбине слышен нам.
Смех твой святотатственный — как пощёчин град.
В душу нашу ждущую в трепете обиженном,
Смотрит твой невидящий, твой плюющий взгляд...

Почему ж мы молимся о тебе, к подножию
Трупами покрытому, горестно склонясь?
Как невесту белую, как невесту Божию
Ждём тебя и верим в кровь твою и грязь?!

1922

Николай Тuroверов

НОЧЬ

Роману Гуль.

Снег в ночи светился на скале.
Под скалою, в сакле, перебранка.
Негритянка ела белый хлеб,
Пушкинская мама, негритянка.

Лермонтову было не до сна.
Ангелы метались в поднебесьи.
В преисподней волновался сатана,
Собираясь Тютчева повесить.

Было все, как будто, невпопад.
И, событий в мире не касаясь,
Звёздный низвергался водопад,
Над землёй все выше поднимаясь.

1959

БЕЗДОМЬЕ
(незаконченное)

Не больно ли, не страшно ли —
У нас России нет!..
Мы все в бездомье канули,
Где жизнь — как мутный бред,

Где — брызги дней отравленных,
Где — неумолчный стон
Нежданных, окровавленных,
Бессчётных похорон...

Упавшие стремительно
В снега чужих земель,
Мы видим, как мучительно
Заносит нас метель...

1924

МАЙДАН

Они сойдутся в первый раз
На обетованной долине,
Когда трубы звенящий глас
В раю повторит крик павлиний,

Зовя всех мёртвых и живых
На суд у Божьего престола
И станут парой часовых
У врат Егорий и Никола;

И сам архангел Михаил,
Спустившись в степь, в лесные чащи
Разрубит плен донских могил,
Подняв высоко меч горящий. —

И Ермака увидит Бог
Разрез очей упрямо смелый,
Носки загнутые сапог,
Шишак и панцырь заржавелый;

В тоске несбывшихся надежд,
От страшной казни безобразен,
Пройдёт с своей ватагой Разин,
Не опустив пред Богом вежд;

Булавин промелькнёт Кондратий;
Открыв кровавые рубцы,
За ним, — заплата на заплате, —
Пройдут зипунные бойцы,

Кто Русь стерёг во тьме столетий,
Пока не грянула пора
И низко их склонились дети
К ботфортам грозного Петра.

В походном синем чекмене,
Как будто только из похода,
Проедет Платов на коне
С полками памятного года;

За ним, средь кликов боевых,
Взметая пыль дороги райской,
Проскачут с множеством других
Бакланов, Греков, Иловайский,

— Все те, кто славу казака
Сплетя со славою имперской,
Донского гнали маштака
В отваге пламенной и дерзкой

Туда, где в грохоте войны
Мужала юная Россия, —
Степей наездники лихие,
Отцов достойные сыны;

Но вот дыханье страшных лет
Повеет в светлых рощах рая
И Каледйн, в руках сжимая,
Пробивший сердце пистолет,

Пройдёт средь крови и отрепий
Донских последних казаков.
И скажет Бог: — «Я создал степи
Не для того, чтоб видеть кровь»,

— «Был тяжкий крест им в жизни дан»,
Заступник вымолвит Никола:
«Всегда просил казачий стан
Меня молиться у Престола».

— «Они сыны моей земли»!
Воскликнет пламенный Егорий:
«Моих волков они блюли
Среди своих степных приморий».

И Бог, в любви изнемогая,
Ладонью скроет влагу вежд
И будет ветер гнуть, играя,
Тяжёлый шёлк Его одежд.

1922

